

В теоретическом аспекте этатизм проявлялся в виде монистического взгляда, объявляющего случайным и второстепенным все индивидуальное, многообразное и различное. В методологическом отношении он проявлялся как господство познавательных приемов, обеспечивающих восхождение от конкретного к абстрактному, как господство теоретической схемы над реальностью. Этатизм по существу несовместим с политикой, если понимать под политикой форму публичного выражения, согласования и реализации интересов различных социальных групп, поскольку он в принципе отрицает демократию и тяготеет к авторитарным формам правления и к инициированию общественных процессов сверху вниз. В рамках этой социально-политической конструкции территория и народонаселение страны, ее регионы рассматриваются как подчиненная центру периферия, как внутренняя колония столицы-метрополии и не имеют никакого самостоятельного значения. В данном отношении очевидно, что социокультурный подход включает в себе ценностно-политическую установку на демократию — тип общественной организации, которому соответствует новый тип социального знания и в котором реально возможна свобода и объективность научного поиска.

Эти размышления об этатизме — не исторический этюд, поскольку современная политическая философия и практика в России во многом остаются в идейных границах этатизма. Он даже получает своеобразное возрождение на фоне тенденций к восстановлению жесткого централизма в системе государственного устройства и государственного управления, попыток воссоздания монопольно правящей политической партии и разработки новых вариантов государственной идеологии. А воспроизводство этатизма как практики и как системы идей и ценностей является основным препятствием на пути формирования новой парадигмы социального познания.

А. Г. Кислов
г. Екатеринбург

К ПРОБЛЕМАМ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ АРТИКУЛЯЦИИ МЫСЛИ В ЯЗЫКЕ

1. *От теоретических дисциплин к живой риторике и неформальной логике: pro et contra.* Начиная с Аристотеля, через формирование университетского образования в средние века, через феномен Пор-Рояля, «Эристику» А. Шопенгауэра и мн. др. (а

для отечественной культуры — от «Краткого руководства по краспоречию» М. В. Ломоносова, через «Искусство спора» С. И. Поварнина) до начала XX в. мы наблюдаем генетическую связь следующих сфер знания, объединенных анализом артикуляции¹, или оформления мысли в языке: *полемика* (= *эристика*) изучает общение в ситуации активной неудовлетворенности позицией собеседника; среди других аспектов (психологических, этических), полемика порождает анализ выразительности речи — *риторику*, вырабатывающую средства речевого воздействия; из базовых разделов риторики, а именно, в рамках инвенции (изобретения) — как учение об аргументах, в рамках диспозиции (расположения) — как структура демонстрации (обоснования), вырастает, ограничиваясь в предмете средствами убедительной и доказательной речи, *теория аргументации*; *логика* же является, по происхождению, элитной частью теории аргументации, вырабатывая специальные (формализованные) методы анализа рассуждений (доказательств и опровержений). Но только логика и риторика стали в полной мере академическими дисциплинами: «риторика тропов и фигур» и «формальная логика». Полемика и теория аргументации так и остались комплексными сферами знания, интерес к которым вполне оправданно проявляют самые различные дисциплины.

К началу нового века культурная ситуация, несмотря ни на становление символической логики, ни на «лингвистический поворот» в философии, внешне и в самых общих чертах остается прежней. Но некоторые, может, и не вполне очевидные, изменения и новации, тем не менее наблюдаемые специалистами, провоцируют на общекультурные размышления. Говорить сегодня о преизбытке культуры стало действительно общим местом. Однако здесь есть свои парадоксы: утрата навыков культурной речевой практики (своего рода «культурная афазия»), наблюдаемая в повседневной жизни и в массовой культуре, сочетается с обилием учебной литературы по логике и риторике на книжных полках, с многообразными курсами логики и риторики в школах и вузах. Такое «недопотребление» на фоне кризиса перепроизводства не есть собственно-избыточный эффект, а восполнение (порой неуклюжее) некогда утраченного. Подлинная преизбыточность — появление альтернативных риторики и логики, новых (а по сути своей — «хорошо забытых старых») популярных направлений, также связанных с артикуляцией мысли в языке, и, что наиболее важно, закрепление их в качестве учебных курсов для многих «модных» сейчас специальностей (менеджмент, реклама, связи с общественностью и др.):

— «Новая живая риторика» («New lively rhetoric»), которая ориентирована в первую очередь на агональную (состязательную) коммуникацию, т. е. практику «воздействия на сознание другого посредством слова для достижения определенных целей»².

— «Неформальная логика» («Informal logic»), или «критическое мышление» («Critical thinking») — дисциплина, «ориентированная на анализ мыслительных процедур, прежде всего, рассуждений, осуществляемых в реальных ситуациях реальным человеком»³.

Их объединяет многое, но прежде всего открыто декларируемый приоритет практики по отношению к теории, именно в практической доминанте актуализируется новизна и альтернативность этих учебных курсов. Академические же риторика и логика были, безусловно, по преимуществу теоретическими (= фундаментальными) дисциплинами, причем дисциплинами не простыми, а внутренне сложными и по объему накопленного и актуально пополняемого содержания, и по многообразию и неоднозначности взаимосвязей, как собственных — структурных, так и внешних — общекультурных. Ушедший век отмечен и бурным развитием логики (формализованные системы, неклассические логики, даже внешне логика радикально изменилась, изменился и ее «официальный» статус — из класса гуманитарных наук она перекочевала в класс наук точных⁴), и «вторым дыханием риторики» («новая риторика» Х. Перельмана, «общая риторика» группы «?»⁵). Но «утраты определенности» было не избежать. Драма фундаментального знания, как всегда, разыгралась по тонкой линии принципиальной неравновесности в решении проблемы его практической эффективности: необходимо балансировать между общезначимой обоснованностью теоретических построений и открытым творчеством, которое всегда индивидуально. Это положение крайне нестабильно, и порядок обернулся хаосом, независимость — несвободой.

Проиллюстрировать последнее просто. «— *Какую логику преподаете? — Что значит «какую»?!* Современную. — *Ну, формальную или математическую?* — *А разве математическая логика не является формальной?* — *Конечно, нет!*» Подобные разговоры повторяются снова и снова в философско-преподавательской среде. И здесь не просто неосведомленность, здесь позиция. Встречаются и более отчетливые ее выражения: «*Не ту логику вам читают!*» — сообщает студентам преподаватель. А что же имеется в виду? Здесь есть варианты: одни настойчиво требуют убрать математическую логику, т. к. она не имеет с философией ничего общего (а Фреге, Рассел, Витгенштейн, Тарский, Карнап, Куайн, Гудмен, Хинтикка и мн. др. — «так себе филосо-

фы»); другие советуют просто(?) читать систему философских категорий (причем на вопрос: «*По Аристотелю, по Гегелю или...?*» дается действительно «исчерпывающий» ответ: «*Вообще ...*»); третьи же лукаво намекают, что именно они-то и читают «ту логику», но по недоразумению термин занят другим, не достойным того предметом, и потому выпущены называть свой предмет «... — логикой». Относительно риторики скажем лишь то, что ее современные формы с удовольствием «растасшили» по самым разным уголкам гуманитарного знания, порой нетривиально, творчески испытывая ее в качестве методологической основы (что само по себе весьма позитивно), но это произошло в ущерб целостности курсов риторики, редуцируемых к стилистике речи, практике сценической речи и другим частным фрагментам. Можно, к счастью, подыскать и контрпримеры, но они то и станут известными исключениями, подтверждающими правило.

Фундаментальное знание упрекают за непрактичность, мало того, что оно «неподъемно», еще и ценность его не очевидна, не на поверхности. Расхожий пример: студент, прослушавший лекцию по исчислениям логики предикатов, спрашивает преподавателя о пользе этих сведений для политической (юридической, экономической и т. д.) жизни. То, что лектор затрудняется с ответом — не делает ему чести. Хотя проблема не столь проста. С одной стороны — жаль, конечно, что политики (юристы, бизнесмены и т. д.) не грамотны и не владеют проблематикой современного анализа рассуждений, но таково положение вещей. С другой стороны — фундаментальное знание не должно игнорировать практические вопросы собственной ангажированности в социуме. Почему же у академических дисциплин — риторики и логики появились двойники — живая риторика и неформальная логика? Служебные по своим исходным функциям прагматические вопросы агональной коммуникации и естественных рассуждений, некогда актуализируемые соответственно полемикой и теорией аргументации, стали требовать предпочтения, отодвигая на второй план фундаментальное знание. Впрочем, ситуация неоднозначна, она не только чревата опасностью, но и удивительным образом благоприятна, т. к. приобретая некоторую самостоятельность, практические вопросы риторики и логики активнее прорабатываются.

2. *Логическое знание в «схеме четырех полей» К. Бюлера.* Самой большой опасностью для логики является забвение (отвлечение от) ее коммуникативной природы. И здесь появление «неформальной логики» с одной стороны лишний раз подчеркивает неудовлетворенность сложившимся образом «формальной логи-

ки», с другой стороны — позволяет заострить вопрос о недостаточной практичности современного логического знания. Мы отвергнем сразу и без объяснений радикальное предложение о необходимой замене современной логики в сфере широкого образования курсом «неформальной логикой». А вопрос о возможном «неформальном» дополнении курса «формальной логики» курсом «теории аргументации», несмотря на положительную оценку в целом такого построения образовательной программы, проблематизируем.

Обращение к коммуникативной, в частности, интеррогативной природе логики все чаще сопровождает философские рефлексии относительно современного логического знания. Отметим некоторую несправедливость складывающегося «распределения ролей»: современную формальную логику связывают, прежде всего, с формализованными *языками*; теорию аргументации (или заявившую о себе «неформальную логику»), напротив, с *речевой* практикой. Осмысление сущности и значения оппозиции «язык — речь» начинают, как правило, с имени создателя структурной лингвистики Ф. де Соссюра (франц. «*la langue — la parole*», англ. «*language — speech*»), согласно которому: язык — это общая система знаков и правил их организации, ориентированная на коммуникацию; речь — сама коммуникация, приватное употребление языка. Самым концептуальным образцом динамики в рамках этой оппозиции, на наш взгляд, является эволюция взглядов Л. Витгенштейна, т. е. смена «раннего» Витгенштейна, определившего в «Логико-философском трактате» метафизические (в частности, онтологические) основания языка классической логики, на «позднего» Витгенштейна с его «языковыми играми». Построение и анализ последних — не теория, а особая методологическая стратегия, причем под «языковой игрой» понимается некое «...единое целое: язык и действия, с которыми он переплетен»⁶. Другое, явно указывающее на причастность к «речевой» стороне оппозиции, определение: «Термин «языковая игра» призван подчеркнуть, что *говорить* на языке — компонент деятельности или форма жизни»⁷. Можем ли мы проследить указанную динамику в рамках современного логического знания и кроме формализованных языков выделить такой концепт как логическая (апалитическая) деятельность, понимаемая, в том числе, и как особая (логическая) «форма жизни»?

Известно, что до соссюровского дополнения традиционной «лингвистики языка» «лингвистикой речи», В. фон Гумбольдт выдвигал противопоставление «*ergon — energeia*». К. Бюлер же не удовлетворился ни одной из этих дихотомий и ввел «схему четырех полей»⁸:

	I	II
1.	H	W
2.	A	G

Здесь G (*Sprachgebilde*) — *языковая структура, языковое образование*, как строй конкретного языка, включающий абстрактные языковые сущности (подструктуры) — конструкции, формы, единицы языка, т. е. в определенной степени соответствует сосюровскому «языку»; A (*Sprechakt*) — *речевой акт*, как употребление (реализация) языковых единиц (знаков), наделение их значением, не совпадает с речевыми актами в теории Остина — Серля, но в определенной степени соотносится с ними; W (*Sprachwerk*) — *языковое произведение*, как *результат* речевой деятельности, как реализация способности владения языком в форме речевой деятельности; H (*Sprechhandlung*) — *речевое действие, поступок*, как конкретное речевое событие или речевая деятельность вообще, т. е. в определенной степени соответствует сосюровской «речи». Причем: (I) *соотнесенные с субъектом*, (II) *отвлеченные от субъекта* и поэтому межличностные; (1.) как действия и произведения на *низшей ступени формализации*, (2.) как акты и структуры на *высшей ступени формализации*.

Четырехкомпонентная структура языковой предметности традиционно прослеживается и в современном логическом знании: G-вопросы ставятся в рамках *синтаксиса* конкретного объектного языка логики: задается алфавит и рекурсивное определение правильно построенных выражений (формул) этого языка. Класс таких выражений является основным множеством объектов рассмотрения; A-вопросы ставятся в рамках *семантики (теории моделей)* языка логики: осуществляется процедура означивания (интерпретации) элементов объектного языка, определяются как истинностная оценка некоторых выражений языка, так и корреляции между этими выражениями, прежде всего, отношение следования. Основным множеством объектов рассмотрения является класс общезначимых формул (возможны формулировки и классов следований); W-вопросы ставятся в рамках *теории доказательств*: предлагается (аксиоматическое, натуральное, секвенциальное) описание класса общезначимых выражений, конструируются формализованные системы, в рамках которых анализируется возможность вывода из посылок (сопоставляемого с отношением следо-

вания) и предъявления доказательств теорем (сопоставляемых с общезначимыми формулами). Основными множествами объектов рассмотрения становятся классы таких предъявленных выводов и доказательств, полнота и непротиворечивость формализованных систем — обсуждаемыми свойствами; Н-вопросы ставятся в рамках исследований проблем *поиска доказательств*: предлагаются процедуры автоматического поиска выводов формулы из гипотез и доказательств теорем (метод резолюций, натуральный вывод в режиме диалога и др.). Такие исследования имеют выраженную прикладную направленность, а основным множеством объектов рассмотрения является класс деревьев поиска доказательств.

Логические варианты полей группы (I) тесно связаны с активно обсуждаемой проблемой признания (или отвержения) принципиальной неэлиминируемости агента рассуждения в семантическом обосновании логических систем и организации процедур поиска вывода. Поля группы (1.), в свою очередь, чреваты обилием ограничительных результатов (в форме соответствующих метатеорем), зависящих от выразительных возможностей конкретных логических языков. Таким образом, наряду с относительной автономностью и относительной же связностью разделов современного логического знания, в каждом «сквозном» исследовании наблюдается определенная динамика развития тем и методов: от рассмотрения формальной и интерсубъективной структуры используемого языка — к единству методологических вопросов непосредственной аналитической деятельности.

¹ Используется широкое определение логики, которое Г. Х. фон Вригт употребил в докладе на IX Международном конгрессе по логике, методологии и философии науки (Швеция, 1991): Вригт Г. Х. фон. Логика и философия в XX веке // *Вопр. философии*. 1992. № 8. С. 80–91.

² Шатин Ю. В. Живая риторика: Учеб. пособие. Жуковский, 2000. С. 12.

³ Грифцова И. Н. Логика как теоретическая и практическая дисциплина. К вопросу о соотношении формальной и неформальной логики. М. 1998. С. 110.

⁴ Стоит заметить, что нет никакой несовместимости точного и гуманитарного знания. Но как часто в отечественной философской среде логике прямо таки не могут простить «предательства».

⁵ Общая риторика. М. 1986.

⁶ Витгенштейн Л. Философские исследования // Витгенштейн Л. Философские работы. Часть I. М. 1994. С. 83.

⁷ Там же. С. 90.

⁸ Бюлер К. Теория языка. М. 1993. С. 50.